

Jakub Sadowski

Uniwersytet Jagielloński

ПЕРЕСТРОЙКА: ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ ЭПОХИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РОССИЯН

Perestroika: a Sketch for a Portrait of the Era in the Social Memory of Russians

ABSTRACT: This article describes the results of the pilot stage of qualitative field research on Russian social memory in the second half of the 1980s. The aim of the research was to reveal what is the image of perestroika preserved in today's social memory of those Russians who remember the events of those years. The main objective of the pilot stage was the identification of the lexicon of terms and the set of concepts used to verbalize the memories of the perestroika period, as well as the caesuras and temporal characteristics related to the memory of this time. The results are outlined in the main topics, terms and concepts that pop up in conversations with respondents.

KEYWORDS: perestroika, social memory, Gorbachev, Russian culture, Russian literature, Russian cinema

«Крупнейшая геополитическая катастрофа XX века» – это одна из тех фраз Владимира Путина, которые прочно вошли в канон его классических высказываний, став чуть ли не политологическими крылатыми фразами. Напомним: такими словами в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2005 году российский лидер охарактеризовал распад Советского Союза, взбудоражив значительную часть западных публицистов и комментаторов, но и точно вписавшись в статус описываемого события в социальной памяти большинства своих сограждан. «Десятки миллионов соотечественников оказались за пределами страны, что для российского народа стало настоящей драмой»¹ – пояснял свой тезис Путин, апеллируя к памяти настоящего

¹ Владимир Путин, *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации*, <http://krem- lin.ru/events/president/transcripts/22931> (4.04.2018).

культурного шока, пережитого в 1991 году множеством русских, живших вне пределов РСФСР. Актуальность и внутривластную эффективность президентского диагноза подтверждает хотя бы фраза, зафиксированная нами во время полевых исследований: «Россия – это уже „там”, Москва – больше не „моя столица”»². Это изречение принадлежит одному из наших респондентов, вспоминавшего свои (русского уроженца Казахстана) чувства более уже чем двадцатипятилетней давности.

Публично провозглашенный тезис о «геополитической катастрофе» может представлять собой интерес как фигура сложившейся политической риторики Путина или как элемент эффективной стратегии политического маркетинга. В нашем же случае он интересен как современная политическая репрезентация единиц, содержащихся в лексиконе, концептосфере и ментальной картине мира тех участников русской культуры, которые жили в СССР времен его распада. «Драма нахождения за пределами страны» – это фраза, построенная с помощью того же понятийного аппарата, что и в случае «Россия – это уже „там”, Москва – больше не „моя столица”». А значит – построенная на таких концептах русской культуры, как «родина», «держава», «Москва»³, которые с начала 1990-х стали претерпевать существенные изменения. Ибо упомянутые годы – это время не только общественной, политической и экономической трансформации, но и трансформации культурного и ментального характера, требовавшей отчасти построения нового понятийного аппарата, отчасти – перестройки старого.

Слово «перестройка», использованное тут, конечно же, в каламбурном ключе, возникает в этом контексте неслучайно. Ибо, во-первых, распад СССР видится в современной политической историографии как завершение процессов, именуемых понятием «перестройка» в смысле, предложенном Михаилом Горбачевым для обозначения нового этапа общественного, экономического и политического развития страны, последовавшего за так называемой «эпохой застоя» (хотя и это политический термин из горбачевского лексикона). При этом термин «застой», ставший употребляться с конца 1986 года⁴, относился, как правило, к периоду от начала правления Брежнева (1964) до обретения в 1985 году генсековского кресла самим Горбачевым (1985).

² Интервью с И.Я., 53 года, жителем Екатеринбурга, проведенное в Екатеринбурге 30 апреля 2017 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 1 час 43 мин.

³ Ср.: Дмитрий Лихачёв, *Заметки о русском*, Москва 1984, с. 7–8; Юрий Степанов, *Константы. Словарь русской культуры*, Москва 2004, с. 86–180; Elżbieta Przybył-Sadowska, Jakub Sadowski, Dorota Urbanek, *Rosja. Przestrzeń, czas i znaki*, Kraków 2016, s. 83–114, 212–222.

⁴ Точнее – с момента 80-летия со дня рождения Леонида Брежнева, ознаменовавшего начало официальной партийной критики правления генсека КПСС. См.: Рой Медведев, *Советский Союз. Последние годы жизни*, Москва 2010, с. 45–47.

В современной российской историографии, а также в исторической и политической публицистике, термин «перестройка» употребляется в значении, воспроизводимым Натальей Елисеевой как «серия реформ в СССР, проводившихся Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым в 1985–1991 гг.»⁵. В дополнение этой дефиниции Елисеева сразу же отмечает:

Главными результатами этих реформ стали распад СССР на 15 независимых государств, в числе которых Россия, крушение блока социалистических государств в Восточной Европе, глобальные изменения международного порядка, закрепленного после Второй мировой войны⁶.

Елисеева подчеркивает при этом, что в построении дефиниции перестройки и определении ее главных последствий она руководствуется бытующим в современном российском обществе пониманием термина. Результат «серии реформ» предстает здесь именно в геополитическом ключе. Основной виток рефлексии о горбачевской перестройке, отраженной в научной литературе⁷, вписывается в эту перспективу, сосредотачиваясь на политической и экономической стороне процесса, приведшего к таким фактам, как: политические реформы и изменения союзной конституции, предопределившие появление Съезда народных депутатов и института президента СССР; наряду с постепенным оформлением оппозиционных сил – послабление, а затем – исчезновение монополии КПСС на политической сцене; резкое усиление центробежных сил в государстве, «парад суверенитетов» и беловежское соглашение 1991 года; наконец – создание законодательной базы для постепенного развития предпринимательства. Следует, однако, отметить, что и вне сугубо политико-экономической сферы в интересующие нас годы происходили радикальные сдвиги. Так, изначально послабление, затем – постепенное исчезновение и, наконец, формальная ликвидация политической цензуры повлияли, с одной стороны, на демократизацию и плюрализацию советских СМИ, с другой – позволили появиться волне «возвращенной литературы», массовому же читателю – приобщиться к дотолем неизвестному литературному наследию. Параллельно с этим имел место сопряженный с этими явлениями сдвиг: в публицистику, научную литературу и текущие художественные произведения хлынула вол-

⁵ Наталья Елисеева, *История перестройки в СССР. 1985–1991 гг.* Учебное пособие, 2-е издание, Москва 2017, с. 9.

⁶ Там же.

⁷ Обзор историографии перестройки, изданной в первое пятнадцатилетие после распада СССР, широко представлен в статье: Светлана Величко, *Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) в отечественной и зарубежной историографии*, «Известия Томского политехнического университета» 2005, т. 308, № 1, с. 199–205.

на переосмыслений всего советского исторического прошлого. Идеологическая демонополизация государства поспособствовала и возвращению Русской Православной Церкви в общественное пространство, а затем – созданию юридических гарантий свободы совести. Беспрецедентный рост общественной активности граждан сказался на возникновении неформальных объединений, положивших начало первым неправительственным организациям на постсоветском пространстве. Указанные факторы также учитываются современными историческими анализами, хотя так и не дождалась комплексного описания в культурологическом или историко-культурном ключе.

Все изложенные выше факты – свидетельства трансформационных процессов, менявших облик всех сфер жизни бывшего СССР. Динамично меняющиеся во второй половине последней советской декады общественно-политические, экономические и культурные реалии вызывают огромный интерес с точки зрения исследований социальной памяти. Так, в монографии *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение* Алексей Юрчак приводит ярчайшее доказательство сдвига в социальном восприятии времени: в перестроечную эпоху все осознавали динамику текущих событий, ощущая при этом линейный характер социального времени – то, чего не было в брежневскую эпоху. Там «застою» подлежало и время – СССР казался «вечным» государством, «вечными» виделись устои и принципы советской жизни⁸. Исследователем во время его полевых исследований начала 1990-х зафиксирован факт ментальной трансформации российского общества, начавшейся в «разгар перестройки», году в 1987. Нами же предпринята попытка проверить, каков образ перестройки, сохраненный в сегодняшней социальной памяти тех россиян, которые помнят интересующие нас события. Итоги такого исследования позволили бы пролить свет на проблему статуса памяти о конечной стадии советского государства и общества в сегодняшней российской концептуализации истории (элементом такой концептуализации является хотя бы утверждение о «крупнейшей геополитической катастрофе XX века»). Мы, однако, поставили себе другую задачу: сопоставить эту память с доступными сегодня текстами политического, общественного и художественного дискурсов перестройки, на основе которых предстоит в будущем предпринять попытку описания перестроечной культурной модели (по аналогии с моделями революционной, тоталитарной и «оттепельной» культур, дождавшихся серьезных и комплексных анализов).

⁸ Алексей Юрчак, *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*, Москва 2014, с. 29–37.

Пилотажное исследование

В настоящей статье излагаются результаты лишь первого звена качественного полевого исследования, которое видится как долгосрочный и трудоемкий процесс. Главной задачей этого этапа было выявление лексикона понятий и набора концептов, с помощью которых вербализуются воспоминания об интересующем нас периоде, а также цезур и временных характеристик, вписавшихся в память перестройки. Согласно замыслу, обретение таких данных должно помочь в подготовке общего сценария глубинного фокусированного интервью, призванного стать инструментом основного этапа исследований.

Исходя из этих предпосылок, в 2016–2017 годах в Москве и Екатеринбурге был нами осуществлен пилотажный этап исследования. В его ходе было проведено 35 фокусированных углубленных интервью. Для вступительного этапа изначально были подобраны респонденты, о которых нам было известно, что они относят себя к числу либо участников, либо сознательных наблюдателей политических, общественных и культурных процессов перестройки. В дальнейшем респонденты подбирались методом снежного кома. В результате среди опрошенных оказались респонденты обоих полов (в примерно равной пропорции), в возрасте от 40 до 90 лет. Таким образом в группе респондентов отразились воспоминания тех, кто в перестройку принадлежал к нескольким возрастным группам – старшекласниками начиная и заканчивая людьми в предпенсионном возрасте⁹. В связи с фактом, что одним из основных предметов интервью были вопросы культурной жизни (и на пилотажном этапе представлялось необходимым беседовать с респондентами с культурной компетенцией не ниже среднего уровня), в исследуемую группу вошли в основном лица, обладающие сегодня высшим образованием. Мы сочли необходимым позаботиться о том, чтобы в составе интервьюируемой группы оказались лица, декларирующие ныне различные политические взгляды (хотя и не ставили себе целью отобразить статистический политический разрез современного общества России).

Выбор Екатеринбурга как контрапункта для Москвы был продиктован фактом, что тогдашний Свердловск сыграл в эпоху перестройки немаловажную роль не только как город с сильным демографическим и интеллектуальным потенциалом, и не только как сильно политизированное пространство, но и как «ельцинский город» – место весьма заметное на ментально-политиче-

⁹ До конца существования СССР возраст выхода на пенсию составлял 55 лет для женщин и 60 для мужчин.

ской карте РСФСР в силу того, что именно оттуда вышла¹⁰ одна из ярчайших политических фигур перестройки, основная фигура сопротивления путчистам 1991 года, наконец – президент РСФСР, подписавший беловежское соглашение (а значит, один из основных архитекторов «геополитической катастрофы»).

Необходимо также подчеркнуть очевидную методологическую предпосылку анализа и интерпретации полученного материала: цель и метод пилотажного исследования, число проведенных интервью, выбор собеседников и мест проведения исследования ни в коем случае не позволяют транспонировать результаты на современное российское общество в целом. И все же полученный результат заслуживает внимания как первый, исходный штрих к будущему портрету социальной памяти эпохи.

Результаты мы излагаем по основным темам, терминам и концептам, всплывавшим в разговорах с респондентами.

Горбачев

«Перестройка» как термин для обозначения некоей общественно-политической реальности стал в СССР употребляться не сразу после прихода Горбачева к власти, а в результате возрастания частотности его употребления в выступлениях генсека и во всем партийном дискурсе. Правда, интересующее нас слово, присутствующее в риторике Горбачева и до избрания его на главную партийную должность, активно употреблялось им в речах с первых же дней после введения в новую роль¹¹. Тем не менее, в ключевой идеологический и – что самое главное – самостоятельный термин «перестройка» начала оформляться лишь в 1986 году¹².

¹⁰ Борис Ельцин, занимавший с 1976 года должность первого секретаря Свердловского областного комитета КПСС, в 1985 – непосредственно после избрания Горбачева на пост генсека – был переведен на работу в ЦК партии, спустя несколько месяцев став первым секретарем Московского обкома.

¹¹ Ср.: «Надо, чтобы все у нас усвоили, что [...] мы вступили сейчас в такой этап перестройки всей нашей жизни, когда без высокой дисциплины, без высокой ответственности, без творческой работы, без сознательного отношения к порученному делу ничего нельзя добиться». Михаил Горбачев, *Ускорение темпов развития – забота общая. Выступление в автосборочном корпусе завода имени И.А. Лихачева на встрече с рабочими и инженерно-техническими работниками. 16 апреля 1985 года*, [в:] он же, *Избранные речи и статьи*. Том 2, Москва 1987, с. 149.

¹² В *Политическом докладе Центрального комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза* (1986), наряду с фразами типа «перестройка управления», «перестройка хозяйственного механизма», термин впервые используется в форме, не требую-

Не мог быть никаким сюрпризом факт, что хронологически респонденты относят понятие «перестройка» к периоду правления последнего генсека КПСС, а первые воспоминания о перестроечном времени – ко времени его прихода к власти. Другое дело, что момент, в котором Михаил Горбачев возглавляет партию и – по сути – государство, наши собеседники вспоминают как яркий, внушительный образ:

Мы заметили [...], что во главе страны стоял человек нового поколения, молодой, настроенный на дело. Всех поразило, что генеральный секретарь ЦК КПСС может сам ходить. Был такой анекдот в те времена, что Горбачева Политбюро не поддерживает. Имелось в виду то, что он ходит сам, не нуждается, чтобы его под локотки вели на трибуну мавзолея¹³.

Автор вышеуказанного высказывания был в то время близок к политике, но о подобных впечатлениях заявляет абсолютное большинство респондентов. Все вспоминают, что после череды генсеков преклонного возраста – Брежнева, Черненко и Андропова – 54-летний Горбачев смотрелся как политик более чем молодой, далеко отстающий от облика и стиля поведения предшественников. У него «молодая физиономия в довольно стильных очках»¹⁴, он «не памятник»¹⁵: «говорит без бумажки, не боится общения с обществом ни через телевизор, ни через прямые контакты на улицах»¹⁶. Именно «говорит без бумажки» – самая устойчивая фигура памяти этого политика, она озвучивается практически во всех интервью. Многие характеризуют свои тогдашние впечатления от Горбачева как от человека «естественного», «человечного», «по-человечески симпатичного». Респондентами-женщинами чаще чем мужчинами оговаривается факт, что, в отличие от жен предыдущих генсеков, публичным лицом становится Раиса Максимовна Горбачева («он показал народу жену, не стеснялся своих с ней отношений»¹⁷) – независимо от оценки самого ее персонажа.

щей синтаксического определения. Ср.: «Перестройку важно начинать с перестройки самого человека». Михаил Горбачев, *Быстрее перестраиваться, действовать по-новому. Речь на встрече с трудящимися города Тольятти 8 апреля 1986 года*, [в:] он же, *Избранные речи и статьи*. Том 3, Москва 1987, с. 331.

¹³ Интервью с Б.М., 57 лет, жителем Москвы, проведенное в Москве 10 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 1 час 43 мин.

¹⁴ Интервью с Д.В., 48 лет, жителем Москвы, проведенное в Москве 10 декабря 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 1 час 2 мин.

¹⁵ Интервью с В.Г., 65 лет, жительницей Москвы, проведенное в Москве 11 декабря 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 27 мин.

¹⁶ Интервью с Б.М...

¹⁷ Интервью с В.Г...

Ошеломив своей относительной молодостью и живым характером, Горбачев тут же начинает раздражать. Раздражает прежде всего южный говор, воспринимаемый в Москве и Ленинграде как признак провинциальности, и который сам по себе становится очередной устойчивой фигурой памяти его личности. Аудиальной этикеткой Горбачева выступает его ненормативная акцентуация (нАчать, полОжить, угЛУбить). И тем не менее многие отмечают, что «за Горбачева не было стыдно». Приведем пример: «Все насмеяются над его южным выговором, но всем нравится, что во главе партии и государства – человек молодой, говорит без бумажки, быстро реагирует». Тот же респондент, вспоминая встречи Горбачева с Рейганом, заявляет:

В умении носить пиджак бывший директор колхоза в Ставропольском крае голливудского актера никогда не превзойдет. Но за Горбачева, когда его показывали по телевизору, не было стыдно – хотя бы потому, что он был не старый, был искренний¹⁸.

Отметим, что «бывший директор колхоза» – не факт из биографии генерального секретаря, а, скорее, результат воспоминаний о нем, выстраиваемых с помощью категории провинциальности.

Новая болтовня

Еще до того, как «перестройка» оформилась в самостоятельный идеологический, политический и публицистический термин, распространение получили лозунги «ускорения социально-экономического развития страны» и «ускорения научно-технического прогресса», провозглашенные Горбачевым на апрельском пленуме ЦК КПСС в 1985 году¹⁹. Спустя несколько месяцев, на XXVII съезде партии в 1986 году за ними последовал и лозунг «гласности»²⁰. В результате, еще годом спустя, «гласность», «перестройка» и «ускорение»

¹⁸ Интервью с Д.В...

¹⁹ См.: Михаил Горбачев, *О созыве очередного XXVII Съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 28 апреля 1985 года*, [в:] он же, *Избранные речи и статьи*. Том 2, Москва 1987, с. 152–173.

²⁰ Ср.: «Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении. Это, если хотите, залог государственного, пронизанного чувством ответственности отношения к делу десятков миллионов рабочих, колхозников, интеллигентов, исходный пункт психологической перестройки наших кадров». Михаил Горбачев, *Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1986*, [в:] он же, *Избранные речи и статьи*. Том 3, Москва 1987, с. 241.

стали членами понятийной триады, составляющей эмблему официальной политической программы КПСС.

Из воспоминаний респондентов явствует, что сознание обретения страной «молодого», энергичного генерального секретаря не перекладывалось автоматически на доверие к провозглашаемым им лозунгам. В зафиксированных высказываниях чаще всего видны свидетельства скепсиса. Ради иллюстрации – два примера:

Мы уже привыкли, что нам периодически объявляется сверху, как называется наш следующий период. [...] Были слова, они пошли все трое: гласность, перестройка и ускорение. Поскольку пришли они от нового генерального секретаря [...] то я восприняла это как некую новую болтовню, какую-то новую демагогию. Был «развитой социализм», сейчас будет «перестройка»²¹.

Мы уже настолько привыкли к словам, к стереотипам – это была матрица советской власти. [...] Когда пришел Горбачев, когда появилось слово «ускорение», вся нормальная интеллигенция воспринимала это абсолютно как демагогию и никто это всерьез не воспринимал²².

Отметим, что в указанных фрагментах высказываний категория «словá» выступает, с одной стороны, как эквивалент фразеологизма «пустые слова», с другой – как матрица восприятия официального идеологического дискурса. Многими подчеркивалось, что на смену «старым лозунгам» (в данном случае – «застойным», брежневским) приходят новые. «Все быстро поняли, что нет разницы между лозунгами „Слава КПСС” и „Перестройка – ускорение – гласность”». Предложили новый текст тем, кому положено его повторять»²³ – говорил один из респондентов, вспоминая транспаранты и щиты с лозунгами на зданиях, где новая редакция идеологических эмблем приходила на смену старой.

Вот этот ряд – говорил другой наш собеседник – три белых коня, которые в то время были актуальны. Когда их слушали, с одной стороны недоумение какое-то испытывали, потому что никакого конкретного наполнения под этими терминами не было, с другой стороны – появлялись какие-то надежды, что вот сейчас «оно» будет²⁴.

²¹ Интервью с Т.К., 62 года, жительницей Екатеринбурга, проведенное в Екатеринбурге 3 июня 2017 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 57 мин.

²² Интервью с Л.З, 68 лет, жителем Екатеринбурга, проведенное в Екатеринбурге 4 июня 2017 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 1 час 20 мин.

²³ Интервью с Д.В...

²⁴ Интервью с Д.С., 40 лет, жителем Москвы, проведенное в Москве 15 декабря 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 26 мин.

Абсолютное большинство опрошенных все же подчеркивает, что «оно» все-таки пришло. «Оно» и составляет стержень воспоминаний об атмосфере перестроечного времени.

Стало разрешено (не только на кухне)

Основная категория описания этой атмосферы – это константа (в степановском понимании этого термина, означающем постоянный, устоявшийся культурный концепт)²⁵ «свобода» и различные ее перифразы. В случае лиц, в чьих высказываниях перестройка обретает положительную или нейтральную аксиологическую характеристику, «Свобода» выступает одной из наиболее частотных прямых ассоциаций с ней. В случае тех, кто с сегодняшней перспективы придает ей отрицательную характеристику, термин «свобода» прямо не вербализуется, хотя в нарративах часто выступают те же перифразы, что и у лиц, говорящих о перестройке в положительном ключе.

Так, перестройка – это время, когда «вдруг стало можно то, чего раньше было нельзя»²⁶, когда «ничего не запрещено»²⁷, или просто «стало разрешено»²⁸ (как самостоятельная фраза, не требующая конкретизации подлежащего, означающая состояние). «Свобода» концептуализируется с помощью определения расширяющегося пространства свободного обмена мнениями. «Все слышат сигнал, что можно начинать разговаривать. Можно размышлять и разговаривать не только на кухне, разговаривать громко и открыто»²⁹ – говорит один из респондентов; другой выражает аналогичную мысль, подчеркивая, что до сих пор «разговоры в Ленинграде и Москве за кухни не выходили. А тут они вылились на улицы»³⁰. В контексте обоих высказываний следует отметить, что «разговор» выступает тут как семантически насыщенный концепт, вмещающий содержание типа «откровенная беседа на общественно-политические темы». Фраза «не только на кухне» противопоставляет пространство такой беседы ее привычному, стандартному пространству, характерному для коммуникативных практик «застойной» эпохи. Несомненно, в контексте брежневского времени «на кухне»

²⁵ Юрий Степанов, *Константы...*, с. 84.

²⁶ Интервью с Д.В...

²⁷ Интервью с Е.С., 41 год, жительницей Москвы, проведенное в Москве 11 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 1 час 8 мин.

²⁸ Интервью с О.В., 44 года, жителем Москвы, проведенное в Москве 5 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 53 мин.

²⁹ Интервью с Д.В...

³⁰ Интервью с А.Д., 54 года, жителем Москвы, проведенное в Москве 9 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 51 мин.

выступает как концепт, а «не только на кухне» – как эвфемизм, построенный на противопоставлении этому концепту. По сути, это не только перифраз константы «свобода», но и свидетельство ощущения возросшей безопасности коммуникативных практик. В этом контексте следует подчеркнуть, что свидетельства памяти конца 80-х годов пополняются иногда элементом ощущения исчезновения угрозы со стороны служб госбезопасности:

Если бы в начале восьмидесятых к моему домашнему телефону подключились кагэбэшники, это было бы серьезной драмой для всех. А когда к моему телефону подключились в 89-м году, это было просто смешно. Я в него каждый вечер заказывал чашку чая³¹.

Также и в этом случае память событий концептуализируется путем противопоставления им фигур памяти о реалиях «застойного» периода.

Свежий воздух – свобода слова – возвращенная литература

Нарастающая с 1987 года волна беспрецедентной в советских условиях демократизации и плюрализации средств массовой информации и всех публичных дискурсов стала одним из главных компонентов образа эпохи, сохраненного в социальной памяти. Значительная часть респондентов связывает эту волну с понятием «политики гласности», провозглашенной XIX партконференцией КПСС в 1988 году³². Ощущение увеличивающейся свободы слова нашло в зафиксированных нами интервью отражение преимущественно в метафоре «свежий воздух», употребляемой почти всеми респондентами, придающими перестройке положительную аксиологическую оценку. Многими эта метафора употребляется ради подчеркивания разницы не только по отношению к предыдущему, но и к последовавшему далее периоду. «Дунул свежий воздух. Потом форточку закрыли»³³ – сообщил один из респондентов в этом контексте.

Память об общей атмосфере тех лет находит отражение в ряде эмоциональных определений, таких как: «безграничная свобода слова»³⁴ или «революция

³¹ Интервью с Ю.Д., 48 лет, жителем Москвы, проведенное в Москве 12 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 46 мин.

³² Хотя, как мы уже отмечали, сам термин «гласность», на правах лозунга, употреблялся в партийном дискурсе с 1986 года.

³³ Интервью с В.Г...

³⁴ Интервью с А.К., 46 лет, жителем Москвы, проведенное в Москве 12 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 1 час 5 мин.

сознания»³⁵, в построенных на шуточно-современном языковом строительном материале «веселом драйве»³⁶ и «кайф-драйве перестройки»³⁷, наконец – в апеллирующем к памяти интеллигентского энтузиазма первых хрущевских лет термине «вторая оттепель»³⁸. Следует отметить, что параллель между оттепелью и перестройкой охотно выстраивалась не только респондентами, лично помнившими время, последовавшее за XX съездом КПСС. Вместе с тем, разгар перестройки помнится как «время разрушения информационной блокады»³⁹. В этом контексте те наши собеседники, которые были приобщены к практике потайной «ловли» сигнала Радио «Свобода», «Голоса Америки» или «БиБиСи», отмечали конец глушения западных радиостанций; некоторые из них заявляли, что бывший «запретный плод» тут же потерял свою привлекательность⁴⁰.

Демократизация печати и всего издательского дела приводит к самому важному факту литературной жизни второй половины 1980-х – к публикации целого пласта художественных текстов, которые до тех пор, из-за цензурных соображений, находились либо в полном забвении, либо были известны лишь читателям сам- и тамиздата. Литературная критика, а вслед за ней – социальная память фиксирует волну «возвращенной литературы». Процесс этого возвращения отмечается всеми респондентами. Абсолютное большинство из них «лавину литературы»⁴¹, «издательскую волну»⁴² или «свободу чтения»⁴³ указывают в ответ на открытый вопрос об основных ассоциациях с перестроенным временем.

В некоторых случаях обращает на себя язык воспоминаний о вышедших тогда из печати произведениях и литературных именах. «Из тех, к о т о р ы х н а м в е р н у л и, я больше всего любила Бориса Зайцева, Тэффи, Гайто Газданова» (выделение мое – Я.С.)⁴⁴ – в этой фразе прочитывается языковое свидетельство восприятия «издательской волны» как процесса, внешнего по отношению и говорящему субъекту – управляемого некими «ими» (что, как известно, является одним из признаков внутреннего отчуждения от государ-

³⁵ Интервью с Б.М...

³⁶ Интервью с И.Р., 41 год, жителем Москвы, проведенное в Москве 12 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 49 мин.

³⁷ Интервью с А.К...

³⁸ Интервью с Д.В...

³⁹ Интервью с Ю.Д...

⁴⁰ Интервью с Д.В..., Интервью с Б.М...

⁴¹ Интервью с Ю.Д...

⁴² Интервью с Д.В...

⁴³ Интервью с И.Е., 63 года, жительницей Костромы, проведенное в Москве 15 декабря 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 32 мин.

⁴⁴ Интервью с Е.Я., 57 лет, жительницей Ялты, проведенное в Москве 15 декабря 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 59 мин.

ственной сферы). Отметим, что большинство респондентов, вспоминая волну публикаций «запрещенки», называют имена отечественных литераторов, однако есть и такие, которые помнят чтение зарубежных авторов – хотя и это происходит в контексте воспоминаний о русской литературе. Так, респондент, говорящий о своем ознакомлении с *Мы* Замятина, тут же вспоминает и о публикациях известных антиутопий Оруэлла⁴⁵. Среди же литературных «флагманов» перестройки – произведений, приводимых нашими собеседниками чаще всего и таких, которые первыми всплывают в их памяти в контексте «лавины» – называются прежде всего *Архипелаг ГУЛАГ* Солженицына и *Дети Арбата* Рыбакова.

Кино

Наряду с «возвращенной литературой», перестроечный кинематограф – еще один художественный пласт, к которому спонтанно апеллировали наши респонденты, описывая атмосферу перестройки. Среди нескольких фильмов, которые указываются респондентами в качестве ярких воспоминаний, есть три заглавия, которые упоминаются абсолютным большинством. Эта «троица» внутренне неоднородна, ибо входят в нее две опять-таки «возвращенные» ленты и одна, снятая уже при Горбачеве.

К первой категории относятся *Покаяние* Тенгиза Абуладзе и *Проверка на дорогах* Алексея Германа. *Покаяние*, снятое в 1984 году и вышедшее на экран тремя годами позже, разрушило кинематографическое (и – шире – эстетическое) табу в плане художественной рефлексии о великом терроре в контексте личности вождя, природы тоталитаризации общественной жизни и переживаний семей репрессированных. Многими (хотя чаще всего – на уровне перифраз) приводится «крылатая фраза» из этого фильма – «К чему дорога, если она не приводит к храму?». В рассказах о первом просмотре *Покаяния* неоднократно прозвучало слово «шок» (само по себе являющееся одной из категорий описания перестроечной действительности, о чем чуть позже). Похожим шоком признавался просмотр *Проверки на дорогах*, снятой еще в 1971 году и показанной лишь в 1986 (а на телевидении – годом спустя), выстраивающей неканонический образ сопротивления немецким оккупантам.

В свою очередь, собственно перестроечное кино представлено в каноне социальной памяти *Маленькой Верой* Василия Пичула (1988). Это лента, которая опять-таки взломала советское табу, в этот раз – в плане художественного отражения нравственно-бытовой сферы жизни. Пичул, сняв своих актеров – впервые

⁴⁵ Интервью с Ю.Д...

во всей истории советского кинематографа – в сцене полового акта, обеспечил своему фильму статус вехи в развитии отечественной киноэстетики. Наши собеседники, вспоминая этот фильм, помнят и разразившиеся впоследствии волны то негодования одной части публики, то энтузиазма другой. И тут же отмечают, что возникновение откровенных сцен на экране теми, кто был знаком с западным кинематографом, «воспринималось как должное»⁴⁶. «Наконец нормально»⁴⁷ – передает свои тогдашние ощущения один из респондентов. «У меня не было реакции онанирующего подростка»⁴⁸ – оговаривается другой. Еще один помнит свое возмущение «ажитожем теток по поводу первой постельной сцены»:

Я смотрю эту *Маленькую Веру*. Я вижу, что фильм-то сильный, про наши беды. Он четко показывает то скверное, что у нас есть. Вот этих несчастных простых людей в южном городе [...], эту молодежь затюканную⁴⁹.

Ибо постельная сцена в *Маленькой Вере* – лишь звено в киноповествовании об отсутствии понимания между поколениями, о пропадающем зря потенциале молодых, стагнации провинции, о пустой жизни советских «работяг».

Отметим еще, что нашими респондентами помнится факт проникновения в кинематограф культуры советской рок-музыки, хотя на конкретные ленты ссылаются далеко не все. В этом контексте называется прежде всего *Асса* Сергея Соловьева (1987), в отдельных случаях мелькают упоминания и о других фильмах – таких, как *Взломщик* Валерия Огородникова (1987) или *Игла* Рашида Нугманова (1988).

Шок

Категория «шока» связана не только с воспоминаниями о перестроечном кинематографе – в материалах наших исследований социальной памяти она сопряжена с перестройкой как таковой. «Шок. Да, это все напитьсявало, давало новое понимание, новые ценности, это было важнейшим феноменом раскрепощения сознания» – это слова одного из респондентов, вспоминаявшего свои впечатления от *Покаяния*. Тот же человек, во второй половине 1980-х – комсомольский деятель, рассказывает о своих впечатлениях из холла Кремлевского дворца съездов, в котором проходили торжества по случаю 70-летия Октябрьской революции:

⁴⁶ Интервью с А.К...

⁴⁷ Интервью с В.Г...

⁴⁸ Интервью с А.К...

⁴⁹ Интервью с Е.Я...

Одна фраза Горбачева, совершенно неожиданная, произвела шок. Я видел, как люди, делегаты, вываливались на кофе-брейк из этого заседания – с отвисшей челюстью, совершенно безумные глаза. Христа с Антихристом поменяли местами. А что произошло? Горбачев очень мягко упомянул Бухарина в положительном контексте⁵⁰.

«Шок» становится ключевым существенным в определении связанных с перестроечным временем неожиданных ситуаций и неизвестных явлений. Так, шоком становится для многих риторика вошедшего тогда в официальный общественный дискурс Национально-патриотического фронта «Память»⁵¹. Для одного из респондентов, прошедшего пик перестройки в армии, категория «шока» служила описанию удивления от того, что после «дембеля» он обнаружил, что из продовольственных магазинов пропал шоколад⁵².

Джинсы

Характеризуя доперестроечную эпоху, респондентка, оговаривающая свой статус уроженки обеспеченной семьи, заявляет: «мне было очень хорошо жить и единственное, чего мне не хватало в те годы у меня на родине – это модных джинсов и вообще красивой, модной одежды»⁵³. Та же собеседница, говоря о социальных гарантиях советской эпохи, в контексте своих ожиданий времен перестройки отмечает: «Мы были уверены, что вот это все останется неприкосновенным, [но] появятся джинсы и тряпки»⁵⁴.

Приведенные высказывания вписываются в зафиксированную нами четкую тенденцию к концептуализации перестроечного времени с помощью образов некоторых товаров. В доперестроечную эпоху дефицитные, сложно доступные или вообще отсутствующие в официальной системе торговли, эти товары, в итоге стихийного развития коммерции (в результате введения закона *О кооперации в СССР* 1988 года), постепенно становятся все более

⁵⁰ Интервью с Б.М... Имеется ввиду доклад Горбачева, известный под заглавием *Октябрь и перестройка: революция продолжается*. См.: *Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года*, [в:] Михаил Горбачев, *Избранные речи и статьи*. Том 5, Москва 1988, с. 386–436.

⁵¹ Интервью с Т.К...

⁵² Интервью с И.Я

⁵³ Интервью с Е.Я...

⁵⁴ Там же.

общедоступными, хотя и все более дорогими. В собранных нами воспоминаниях ярким представителем этой группы товаров выступают джинсы, и прежде всего – американского производства, воспринимаемые как единственные «правильные», однозначно «настоящие». «Американские джинсы – это была мечта в советское время» – заявляет один из респондентов⁵⁵; другой подчеркивает, что джинсы как таковые были «детской мечтой времен перестройки»⁵⁶. Не «подростковость», а именно «детскость» «перестроечной мечты» дает понять, что во второй половине 1980-х брюки из синей крепкой ткани – это товар уже не диковинный и не эксклюзивный, а именно – дорогой. Если к тому же джинсы – это «фирма», их приобретение может восприниматься как веха в биографии:

В Москве в 85-м году уже можно застать все. В «Даниловском универмаге» место чуть ли не всего универмага занимает комиссионный магазин. Мне там покупают первые фирменные джинсы. Меня собирает семья в институт, я должен быть модным, поэтому мне там покупают первые «Ливайс». «Ливайс» стоит 100 рублей. Зарплата у отца тогда – 220⁵⁷.

«Джинсовая мечта» указывает на изменения коммуникационных навыков на уровне языка одежды. Она связана с проходившей в конце 1980-х, по словам знатока темы, Линор Горалик, «ползучей отменой униформы», с возрастающим неприятием «советскости» одежды и индивидуализацией её стилей⁵⁸. Кроме того, джинсы становятся в то время идентичностным атрибутом некоторых субкультур, получивших в перестройку толчок к стремительному развитию, равно как и атрибутом независимого поведения и бунта против устоявшихся норм, репрезентацией которых выступал «советский стиль». По воспоминаниям респондентки, позиционировавшей себя в конце 1980-х как член субкультуры панк, решение «буду красить волосы и носить джинсы» было ею принято как сознательный протест против мизогинии советского общества⁵⁹.

⁵⁵ Интервью с З.Б., 45 лет, жительницей Москвы, проведенное в Москве 14 декабря 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 45 мин.

⁵⁶ Интервью с Т.К...

⁵⁷ Интервью с Д.В...

⁵⁸ Линор Горалик, *Антресоли памяти: воспоминания о костюме 1990 года*, [в:] 1990-й. Опыт изучения недавней истории. Том 2, ред. Александр Дмитриев и др., Москва 2011, с. 583, 597.

⁵⁹ Интервью с Е.С...

Процесс пошел. История тронулась с места

«Процесс пошел». Это общеизвестное выражение Михаила Горбачева, повторявшееся им неоднократно в контексте неотвратимости общественных, экономических и политических процессов, прочно вошедшего в фонд «крылатых фраз» русского языка, и является сегодня фразеологической этикеткой перестройки. Фраза полностью вписывается в отмеченную Юрчаком (см. выше) тенденцию к восприятию перестроечного периода как времени исторического сдвига. Впрочем, метафорические фигуры, отображающие этот сдвиг, зафиксированы и в других горбачевских фразах (ср. хотя бы: «поезд пошел, и он набирает скорость»⁶⁰). Интервью, проведенные со всеми без исключения респондентами подтверждают тезис Юрчака о том, что быстрота разворачивающихся в перестройку событий и ход общественных процессов прочно зафиксированы в социальной памяти как нечто противоположное характерному для брежневской эпохи убеждению в неизменности советской системы и сопряженного с ней образа жизни⁶¹. Одним из наших респондентов линейность исторического процесса и неповторимость каждого из перестроечных годов противопоставляется и восприятию сегодняшнего, текущего времени:

Специфика того времени, как мне кажется, в том, что очередные годы сильно отличались друг от друга. Теперь все годы более менее одинаковые. Тогда же – 87-й это совсем не 86-й. 88 – совсем другой, чем 87-й⁶².

Самые интересные свидетельства данного феномена зафиксированы в воспоминаниях тех, кто в перестроечное время «выпал» из привычной жизни на более долгий срок – например, в связи с уходом в армию. Впечатления призывников второй половины 1980-х укладываются в единый сюжет «возвращения в другую страну» – независимо от того, когда именно они начали нести свою воинскую обязанность. Так, например, наш собеседник, призванный еще при Черненко, говорит:

После института я ушел в армию, в 84-м. И поскольку институт был бабский, я ушёл обычновенным рядовым, да ещё в город Воркуту. 84-й год не предвещал кардинальных изменений в будущем. Я ушёл из советской системы, а вернулся в 86-м году в другую страну. Потому, что полтора года, которые я провел в Воркуте, не слишком погружали меня в политические события в на-

⁶⁰ Михаил Горбачев, *Ответы на вопросы газеты «Вашингтон пост» и журнала «Ньюсуик»*. 18 мая 1988 года, [в:] он же, *Избранные речи и статьи*. Том 6, Москва 1989, с. 248.

⁶¹ Алексей Юрчак, *Это было навсегда...*, с. 34.

⁶² Интервью с Ю.Д...

шей любимой родине. Поэтому, когда мы вернулись, мы поняли, что не что-то поменялось, а кардинально поменялось вокруг нас и в Москве в частности. И люди стали другие, и общество стало другое⁶³.

А вот свидетельство памяти респондента, служившего в 1987–1989 годах:

Я сюда вернулся – и окунулся в абсолютно другую жизнь, предположить о наличии которой я даже не мог. [...] Когда я вернулся, здесь всё – митинги, Борис Николаевич Ельцин, перестройка вовсю-вовсю-вовсю. Я ходил как пьяный, потому что было ощущение: неужели страна меняется на глазах? Неужели ты являешься не зрителем каким-то, а просто соучастником всего этого?⁶⁴

Отметим еще, что восприятие хода времени неоднократно отражено в оценках или комментариях к отдельным сообщаемым нашими собеседниками образам, относящимся к общественной жизни. Вот, к примеру, свидетельство памяти о поведении людей в 1989 году:

Помню I Съезд народных депутатов [...]. Реально я видел людей, которые ходили на работу и с работы с радиоприёмниками, слушая прямые включения [...]. Люди поняли, что они могут влиять на страну и на политику в этой стране. Вот это я четко помню до сегодняшнего дня. Поскольку до этого все текло само по себе⁶⁵.

«Все текло само по себе» – это замечательная фигура описания доперестроечной реальности, вмещающая в себя все характеристики «застывшего» времени и «застывшего» образа жизни, являющаяся «портретом в негативе» описываемых респондентами процессов и событий. В этом контексте можно рискнуть тезис о том, что понятие «застоя», относимое к брежневскому периоду, хотя и придуманное горбачевской командой, оказалось весьма своевременной и востребованной фигурой.

Туманная цель

«К прошлому нет возврата – мы уходим к чему-то новому, обязательно лучшему»⁶⁶ – вспоминал один из наших собеседников свое, тридцатилетней давности, понимание или ощущение цели задействованных тогда процессов.

⁶³ Интервью с А.Д...

⁶⁴ Интервью с А.К...

⁶⁵ Интервью с А.Д...

⁶⁶ Интервью с Ю.Д...

Специфика того социо-культурного состояния в том, что цель-то как раз не намечалась. Перестройку наш респондент понимал как «неотвратимый процесс, ведущий неизвестно куда»⁶⁷.

Следует отметить, что «цель перемен» была той категорией, которая в свободном потоке воспоминаний наших респондентов мелькала очень редко – чаще всего нам приходилось их на нее наводить. Из всего собранного материала явствует, что в перестройку четко представлялась отправная точка, и совершенно туманно представлялась точка конечная. «Представление о будущем – говорит респондент – предполагало, что мы будем говорить, что хотим, книжки, какие хотим, читать, разговаривать о чем хотим [...]. Как-то оно так дальше и будет»⁶⁸. Неопределенность последней фразы поясняется, по сути, энтузиазмом от – прибегая к понятиям установленного нами лексикона – «дуновения свежего воздуха» и от того, что «стало можно то, чего раньше было нельзя». «Самое главное приобретение, которое все почувствовали и, казалось, больше ничего не надо – это вот свобода слова, свобода печати, свобода выражения»⁶⁹ – пояснял респондент свое непонимание будущего.

Я думаю, что понимания не было ни у кого – говорит другой наш собеседник. – Несколько позже это описывается фразой из выступления, по-моему, писателя Юрия Бондарева на Съезде народных депутатов – это уже 89 год – то ли это Съезд, то ли это партконференция 88 года – аллюзия, которая получила широкое распространение: перестройка – это самолет, который взлетел, не зная, где он сядет⁷⁰.

Бондаревская фраза⁷¹ была высказана все же на партконференции 1988 года, к тому же – в духе консервативного сопротивления перестроечным процессам и прежде всего – в ответ на резкое переосмысление советского исторического прошлого на волне политики «гласности». Но именно факт

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Интервью с Т.К...

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Интервью с Б.М...

⁷¹ Парафразируемые респондентом слова имели чуть ли не эсхатологический характер. Метафора была произнесена не в качестве утверждения, а элемента риторического вопроса. Ср.: «Можно ли сравнить перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка? При всей дискуссионности, спорах о демократии, о расширении гласности, разгребании мусорных ям мы непобедимы только в единственном варианте, когда есть согласие в нравственной цели перестройки, то есть перестройка – ради материального блага и духовного объединения всех». *XIX Всесоюзная партийная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. Стенографический отчет. В двух томах.* Том I, Москва 1988, с. 224.

одинаковой «туманности» цели перемен в риторике энтузиастов и недоброжелателей перестройки является свидетельством единого свертхтекста культурной модели второй половины 1980-х.

Конец эпохи

В начале нынешней статьи мы сослались на сформировавшуюся в исторических и политических науках традицию усматривать конечную цезуру перестроечного периода в подписании беловежских соглашений, положившему конец истории Советского Союза. Наши исследования однозначно показали, что социальная память видит завершение перестроечного этапа истории российского общества в совершенно другой момент. Вернее, выдвигает два альтернативных, символически важных момента, игнорируя декабрь 1991-го как возможную цезуру.

Первой альтернативой выступает опередивший распад на несколько месяцев августовский путч. Многие респонденты на вопрос о том, когда они почувствовали, что перестроечный этап общественной жизни завершился, произносят одно слово – «путч». В воспоминаниях одного из респондентов, который участвовал в защите Белого дома (тогдашнего Дома Советов РСФСР) от путчистов, момент завершения перестройки ещё более конкретизирован и сведен к одному из символических эпизодов тех событий: «24 августа 91-го. Похороны ребят, задавленных во время путча. Именно тогда»⁷² – говорит наш собеседник. Другой респондент, заговоривший о путче спонтанно, без наводящего вопроса, подчеркивает, что как раз тогда закончилась перестройка и началась «ельцинская эпоха»⁷³.

Второй вариант четко связан именно с «ельцинской эпохой» – и опять-таки с Белым домом. Имеется ввиду момент т. н. «второго штурма» или «расстрела» этого здания во время конституционного кризиса 1993 года. «Второй штурм Белого дома. Кончилось что-то хорошее»⁷⁴ – говорит один из респондентов. Другой собеседник свой выбор, павший на тот же момент, поясняет: «конец заключался в постепенном наращивании авторитаризма»⁷⁵. «Ощущение свободы кончилось в 93-м. Веселый драйв продлился до 93-го» – вторит

⁷² Интервью с И.Р., 46 лет, жителем Москвы, проведенное в Москве 10 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 1 час 9 мин. Имеются ввиду трое жертв столкновения колонны бронетехники со сторонниками Ельцина 21 августа.

⁷³ Интервью с Е.К., 77 лет, жительницей Москвы, проведенное в Пушкино 14 октября 2016 года, аудиозапись в архиве автора, длительность: 55 мин.

⁷⁴ Интервью с Е.С...

⁷⁵ Интервью с Ю.Д...

ему третий⁷⁶. Налицо, что в случае тех, кто усматривал конец перестроечной эпохи в событиях 1993 года, элемент использования армии в решении политического спора выступает в качестве символического доказательства отсутствия ключевой для перестроечной культурной модели категории «свобода». Отсутствия свободы политической, свободы мнений, «свежего воздуха», гарантирующего безопасный диалог.

* * *

Несмотря на факт, что результаты проведенного нами пилотажного исследования по определению не могут претендовать на статус «эссенции» российской социальной памяти эпохи перестройки, то построенный с их помощью эскиз четок. Выведенные нами сюжеты, категории и концепты, всплывающие при описании событий горбачевской эпохи, являются общими для воспоминаний абсолютного большинства наших собеседников. Как таковые, они являются отправной точкой для дальнейших исследований, которые должны охватить большее число как социальных групп, так и географических точек. Только в сопоставлении с памятью представителей российской провинции (города и села), памятью, в частности, работников физического труда и колхозников, удастся построить полный образ интересующего нас явления.

Тем не менее, результаты уже проведенного этапа исследований представляют существенный, построенный на эмпирических данных, фон для сегодняшнего анализа общественных, культурных и политических процессов, а также для отдельных текстов художественного, политического и публицистического дискурсов периода перестройки.

⁷⁶ Интервью с И.Р., 41 год...